

Будучи сначала молодым патрицием Рима, а затем сопровождающим Гая, я привык находиться в присутствии сильных людей. Будь то люди, обладающие физической силой, или политической властью и влиянием в Республике.

— Тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять, — послушно отсчитывала Селена, пока я прижимался к мозаичному полу из золота и слоновой кости во дворе покойного кириоса. — Сорок!

Я отпустил Гравитас и рухнул, прижавшись лбом к прохладному камню, задыхаясь. Сократ, тщательно доказав свою правоту в отношении моего фундаментального дисбаланса, посоветовал мне продолжить гимнастику под воздействием капитанской добродетели. Я вызвал Гравитас ровно настолько, чтобы сделать работу почти невыносимой, но не настолько, чтобы моё тело не могло даже подняться, и так я вернулся к основам, пока моё тело не сдалось.

Это было изнурительно, но я не мог отрицать результатов. Я снова почувствовал себя мальчишкой, впервые тренирующим своё тело под присмотром Аристотеля. Базовая гимнастика, которая уже давно перестала приносить реальную пользу, снова стала сложной. С каждым отжиманием, с каждым прыжком и приседанием я проклинал себя за то, что не начал делать это сразу же после того, как приобщился к добродетели Гая. В то же время более реалистичная часть меня признавала, что я так долго относился к ней с таким почтением, что никогда бы и не подумал о таком использовании, если бы мне его сначала не навязали.

Тем не менее, преимущества обучения у Сократа – это одно. Но было что-то нервирующее в моей нынешней компании, даже при всём моём опыте.

Оракулы Побережья, Алебастровых Островов и Города Шквалов, также известного как Ураганные Высоты, вежливо заплотировали, а Алый Оракул спрыгнула с моей спины и отправилась за кувшином с водой.

— Боже, ты сегодня в прекрасной форме, — сказала Оракул Алебастровых Островов, подперев щёку одной рукой, а другой прижав колено к груди, опираясь на свой священный треножник. Её улыбка была дразнящей.

— Я не ожидала ничего меньшего от последнего сына Рима, — сказала Оракул Ураганных Высот. Она была стройной женщиной, контрастирующей с непристойными изгибами Алебастрового Оракула, а её волосы развевались на ветру, который невозможно было почувствовать. Нити цвета собранной пшеницы стелились вокруг её священного треножника, по спирали струясь сквозь её пальцы, когда она лениво двигала ими. — Завтра, возможно, он даже сможет добраться до пятидесяти.

— При всём уважении, — простонал я, подталкивая под себя руку, — я не спрашивал мнения оракулов.

— "При всём уважении", говорит он, — усмехнулась Оракул Разбитого Прилива. Из всех пяти оракулов она единственная соответствовала моему представлению о том, какой должна быть прорицательница. Древняя, морщинистая и хрупкая. Её платки и пояса, казалось, поглощали её, так что всё, что мог увидеть человек, – это её скелетные руки да развевающиеся пряди белых как кости волос, выбивающиеся из-под капюшона. Её лицо было тощим и суровым, вечно

угрюмым. Глаза были молочно-белыми, а зрачки – трёхгранными.

А ещё она, как ни странно, сидела на коленях у Оракула Пылающей Эгиды. Как мне объяснили при первой встрече, в Алом Городе был только один оракул, несмотря на то, что в нём жили два разных культа, потому что их тайны были тесно связаны между собой. На Побережье же, напротив, существовали две совершенно отдельные тайны, вокруг которых и строились их культы, и поэтому город пользовался привилегией двух отдельных оракулов.

Покойный кириос принял это во внимание и объявил, что восемь треножников на восемь городов – это совершенно справедливо, и с тех пор они были вынуждены делиться. Сидя вместе, они выглядели почти как мать и дочь.

— Есть люди, которые тратили всю свою жизнь, чтобы получить лишь мгновение нашего времени, знаешь ли, — сказала старуха из Разбитого Прилива, отмахнувшись от руки своей коллеги-оракула, которая пыталась прикрыть ей рот. — Самый богатый человек в мире не смог бы купить компанию двух из нас в любой момент времени, не говоря уже о тех пяти, что стоят перед тобой.

— Если бы я хотел заплатить за женское общество, я бы пошёл в бордель. — Мне удалось сесть, принять предложенный Селеной кувшин с водой и, благодарно кивнув, глубоко отпить. Оракул Разбитого Прилива смеялась так сильно, что начала задыхаться.

— Прости их, — прошептала Селена, прижимаясь своим плечом к моему. — Мы редко встречаем тех, с кем можем говорить свободно.

— Есть определённые вещи, которые может дать провидец, но не проститутка, — заметила Оракул с Алебастровых Островов. Её глаза плясали, шёлковый хитон колыхался, когда она положила подбородок на поднятое колено. Её губы были окрашены в оттенки Алебастровых Островов – в оттенках от бело-золотого до канареечно-жёлтого.

— Возможно, ему не нужна прорицательница, — размышляла Оракул Ураганных Высот, плетя свою парящую нить. Она рассеянно сдула с лица развевающиеся волосы. — Неужели это всё, сын Рима? Неужели тебя не интересует то, что тебя ждёт?

Я выпил последнюю воду из кувшина. Гравитас навалился на меня, как сжатый кулак, придавливая к полу, и я принялся отрабатывать приседания.

— Похоже, ты попала в точку, — прохрипела Оракул Разбитого Прилива, восстановив дыхание. — Молодой варвар боится того, что его ждёт.

Я поднялся под тяжестью приказа и упал. Я увидел другую старуху, в другом месте, в другое время. Услышал её жуткий, хриплый голос.

Остерегайся Мартовских Ид

Мне не нужен был прорицатель, чтобы сказать мне то, что я и так знал. Моё будущее было безнадежно мрачным.

Селена добавила свой вес к моим упражнениям, усевшись на мои ноги, чтобы они не скользили по мозаичному полу и не поднимались. Она скрестила руки на моих коленях и положила на них подбородок, серьезно рассматривая меня.

— Они просто дразнят тебя, — сказала она, её вуаль сдвинулась, когда она покачала головой.
— Боги больше не говорят с нами. Они не смогли бы дать тебе пророчество, даже если бы захотели.

Сандалия ударила её по голове. Алый Оракул вскрикнула, отшатнувшись назад.

— Высокомерная девчонка, говорящая мне, что я не могу сделать. — Оракул Разбитого Прилива боролась с Оракулом Пылающей Эгиды, старуха изо всех сил пыталась бросить вторую сандалию. — У меня были сны длиннее, чем ты была жива!

— Только потому, что ты выглядишь старше грязи, не делает это правдой! — Селена выкрикнула в ответ, тут же увернувшись от второй сандали. Она со свистом рассекла воздух и вонзилась в камень дальней стены.

— Честное слово, Дона, она ещё ребёнок! — выругалась Оракул Пылающей Эгиды, с усилием отводя руки старухи назад. Дона сплюнула.

— Если она достаточно взрослая, чтобы быть женой, то она достаточно взрослая, чтобы быть побитой.

Прорицательницы из Культов Пылающей Эгиды и Воющего Ветра обменялись многострадальными взглядами через двор, их треножки стояли друг напротив друга.

— Тридцать один, тридцать два, тридцать три...

— Возможно, мы выбрали неверный путь, — размышляла Оракул Алебастровых Островов, и я почувствовал её взгляд как нечто физическое. Что-то, выходящее за рамки влияния, которое я мог уловить с помощью своего Софического чувства, более глубокое и яркое. Я вздрогнул, почувствовав, как он пробежал по моему телу. — Это наши часы отдыха, не так ли? Возможно, у сына Рима есть что-то, что он может дать нам.

Селена нахмурилась, наклонив голову в сторону своей коллеги-прорицательницы.

— Очевидно - не хороший разговор, — насмешливо сказала Дона.

— О, я бы не была так уверена насчёт этого, — сказала женщина с золотыми губами и медленно улыбнулась. — Мне очень нравится то, что он сейчас говорит.

Я остановился на полпути в приседание. Её улыбка расширилась.

— О нет, пожалуйста. Продолжай.

Я пристально посмотрел на святую женщину. Затем, медленно, я закончил приседание.

— Сорок.

Дона усмехнулась: «Удивительно, что он умеет считать. Скажи честно, мальчишка, когда у тебя в последний раз был настоящий разговор, без всех этих угрюмых увиливаний?»

Я посмотрел в слепые глаза этой старой солёной суки и ответил: «Бар».

Позади неё оракул Пылающей Эгиды сдерживала улыбку: «Бар?»

Я кивнул: «Бар».

— Бар, — добавила Селена.

— Каждое следующее поколение считает себя лучше предыдущего, — кисло сказала Оракул Разбитого Прилива. — Но на самом деле они всегда, всегда хуже.

— Справедливости ради, — сказала Оракул Ураганных Высот, — ты тоже не слишком хороша для беседы.

— Хаа? Опять эта свистящая землеройка разевает рот? Всё что я слышу – это ветер.

— Продолжай, — призывала меня Оракул Алебастровых Островов, с практической лёгкостью игнорируя своих коллег. — Посмотрим на сорок один. — Её губы изогнулись в злобной усмешке. — Или может быть, другое движение? Что-нибудь для бёдер?

Селена толкнула меня обратно в положение сидя: «Сорок один», — твёрдо сказала она, и я смирился с ещё одним комплектом приседаний.

Святые женщины Греческой веры продолжали препираться и болтать между собой, время от времени словесно подначивая меня, чтобы узнать, что я буду делать. Я молча терпел, когда мог, сосредоточившись на боли того, как моё тело медленно разрушается, чтобы потом восстановиться лучше, сильнее, чем прежде. Я был весь в поту к тому времени, когда Сократ наконец вышел из покоев покойного кириоса во двор. Он засунул палец себе в правое ухо и нахмурился.

— Из всех загадок мира, — раздражённо сказал он, — меня больше всего удивляет, как наш покойный владыка мог расслабиться хоть на минуту, со всеми вами здесь.

Дона наклонила голову в его сторону, слепые глаза вращались в поисках его голоса.

— Нет, — сказал он, прежде чем она успела заговорить, протягивая руку. — Хватит тебя. Я построил себе жилище на самой высокой точке Каукосо Монс, и клянусь, иногда по ночам я всё ещё слышу твоё ворчание. Я бы спал внутри самой бури, если бы подумал, что этого будет достаточно, чтобы отгородиться от тебя.

Оракул Разбитого Прилива захихикала, и Сократ потёр морщинистый лоб.

— Как прошёл день, мальчишка? — спросил он меня. Я поднял на него глаза: руки дрожали, так как я старался удержаться в позиции планки под тяжестью команды и Селены, сидевшей на моей спине.

— Утомительно.

Сократ фыркнул: «Хорошо, теперь ты усвоил ещё один урок. Некоторые говорят, что культивация делает нас только больше теми, кто мы уже есть – к женщинам это тоже относится. Они становятся всё более невыносимыми, чем дальше продвигаются».

Философ поднял руку и поймал сандалию, прежде чем она успела ударить его по виску, и презрительно посмотрел в сторону октагонового двора, отведённого для Побережья. Оракул Пылающей Эгиды отвела глаза, свистя, пока она надевала вторую сандалию обратно на левую ногу.

— Стоит ли мне передать бедной Дафнис, что ты это сказал? — спросила Дона, хитро сверкнув слепыми глазами.

Сократ усмехнулся: «Говори ей, что хочешь. Я уже достаточно раз сказал ей это в лицо».

— Какой ужасный мужчина, — сетовала прорицательница Культа Воющего Ветра.

— Ты не должен становиться таким, как он, — сказала Оракул Алебастровых Островов, подзывая меня к себе. — Это противоестественно для мужчины – презирать женщину так, как он. Подойди, позволь этому научить тебя всему, что тебе нужно знать вместо него. — Впервые я увидел, что по её языку проходит тонкая линия татуировки, такого же золотистого оттенка, что и её губы.

Сократ перешагнул через меня, закрывая её от моего взгляда. Как будто меня можно так легко поколебать...

Я нахмурился: «Что ты делаешь?»

— ... Просто на всякий случай, — сказала Селена, закрывая мои глаза своими руками. — Чара умеет быть, кхм, искушающей, когда захочет.

Оракулы должны быть старухами, это всегда было моё понимание о них. Но если не считать Оракула Разбитого Прилива, остальные, кого я встретил, больше походили на матерей, только что прошедших свой расцвет, чем на что-либо другое. Смех Чары, прозвучавший в ответ на предупреждение Селены, определённо не был гоготом старухи. Хотя он всё равно меня встревожил.

— Я не поддамся простым искушениям, — твёрдо сказал я, стряхивая её руки и поднимаясь на ноги. Селена плавно скатилась с моей спины, невинно улыбнулась, когда я взглянул на неё.

— Проследи, чтобы этого не случилось, — посоветовал Сократ. — Сохраняй бдительность, всегда. — Он похлопал меня по плечу и кивнул в сторону реквизированной комнаты кириоса. Он двинулся, и я последовал за ним.

— Он никогда не найдёт себе жену, если будет следовать твоему совету, — зашипела Дона. — Это то, что ты хочешь для своего бедного ученика? Жизнь одинокой изоляции?

— Да пожалуйста, женись, — сказал Сократ через плечо, из каждого его слова капал сарказм. — Если тебе посчастливится найти хорошую жену, ты станешь счастливым. А если нет – то философом.

Я пожал плечами: «Я уже».

Селена споткнулась рядом со мной, и шумиха перешла в ор и крики, требующие рассказать подробности. Я быстро зашёл за моим наставником в относительно безопасную комнату кириоса.

Сократ захлопнул за нами тяжёлые двери, заглушив святой шум. Внутри я обнаружил, что обстановка изменилась. Сократ выгнал меня во двор, чтобы он мог заняться своими делами, суть которых он мне не объяснил, в личных покоях кириоса, и теперь эти дела предстали передо мной.

Сократ разгромил всё помещение, раскидал мебель, а в некоторых случаях и вовсе разорвал её, расставив куски по комнате в совершенно хаотичном порядке. Колонны, сохранившие структуру подземного алькова, были истёрты, словно морем, все их прямые линии и резкие грани сгладились до округлых изгибов. То же произошло и со стенами, что были аккуратно вырезаны из горы.

Одеяла и одежда были собраны посреди комнаты в нечто похожее на гнезда, лицом друг к другу, а сам старый философ разодрал кровать и разбросал её перья по нескольким точкам комнаты. Я увидел несколько луж – места, куда он явно вылил целые кувшины воды и духовного вина. Я также увидел, и почувствовал, костёр, который он развёл из сломанной мебели.

Я прищурился сквозь дым, совершенно обескураженный: «Зачем?»

— Идеальной симметрии в природе не существует, — спокойно объяснил он, как будто это хоть что-то объясняло. Он перешагнул через кучу горящего хвороста, которая когда-то была столом, и сел, скрестив ноги, на одно из двух гнёзд. — Поэтому, когда мы стремимся подражать природе в наших искусственных жилищах, мы должны соблюдать ту же асимметрию.

Я огляделся: «Какое отношение это имеет к разжиганию костров?»

— Я подготавливаю сцену, мальчишка, — нетерпеливо сказал он, махнув мне, чтобы я подошёл. С неохотой я подчинился. — Как правило, мы делаем это на природе, потому что так проще и в целом лучше. Но, как мы уже выяснили, ты – нелепый ребёнок, и я не могу никуда взять тебя, пока я не воспитаю из тебя подобие человека. Так что мы будем делать то, что можем, раз уж ты наконец выздоровел.

Я сидел, скрестив ноги, в гнезде шёлковых простыней, повторяя его расслабленную позу, насколько это было возможно из-за дыма, атакующего мои чувства: «Мы будем медитировать?»

— Что-то в этом роде. Закрой глаза, мальчишка.

Мои глаза закрылись, а через мгновение открылись, когда кто-то присоединился ко мне в шёлковом гнезде, прижавшись к моему боку так, что они смогли полностью влезть. Селена устроилась в собственной медитативной позе, глубоко дыша.

Я посмотрел на Сократа. Выражение его лица трудно было описать.

— Это не открытый урок, девчонка.

— Я приветствую мастера, — официально произнесла она, склонив голову, но не открывая глаз. Мои губы дёрнулись.

— Здесь есть место для двоих, — сказал я своему наставнику. Он с отвращением хмыкнул, но закрыл глаза и принял прежнюю позу.

— Закрой глаза и думай о Риме, — приказал он. Я подчинился. — Аристотель учил тебя тренировать твоё тело, но это Рим научил тебя тренировать твою душу. Мы будем работать в обратном направлении и посмотрим, сможем ли мы найти Греческую душу, зарытую где-то в этой грязи.

— Спасибо, — прошептала Селена, почти слишком тихо, чтобы быть услышанной за треском костров, и прижалась к моему колену. Я хмыкнул и погрузился в мысли о доме.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3506049>